

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«Люби Россию в непогоду» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ЯЗЫЧНИКИ С КРЕСТАМИ.

Был такой период в жизни человечества, именовавшийся Средневековьем. Люди жили в смраде и нищете, картошки Колумб еще не привез, голодоморы посещали Европу с регулярностью весенних простуд, а нравы отличались свирепостью. Грамота была привилегией Церкви, война - привилегией дворянства, а все прочие считались подданными. По городам и весям бродили нищие пророки, предвещавшие близкий конец света в обмен на кусок хлеба. Их отлавливали власти и передавали в объятия Церкви, которая после пыток объявляла пророков еретиками и отправляла на костер. Это было единственным развлечением, на время отвлекала народ от голодного озноба в животах, а потому костры горели часто, и истово верующие во Христа с восторгом волокли к местам казни охапки специально припасенных дровишек. Однако животы от этого не наполнялись, и Церкви приходилось часто разьяснять, из-за кого регулярно наваливаются всяческие беды. Голод и холод, чума и холера, падеж скота и непослушание дочерей. И испанцы колошматили фламандцев, французы - гасконцев, англичане - шотландцев и - наоборот. Однако любой враг был вооружен и давал отпор, почему Церковь порою прибегала к поиску врага с одной стороны - хитрого и опасного, а с другой - невооруженного и совершенно безопасного. И такой враг простому люду нравился куда больше всех иных супостатов.

Основная привлекательность заключалась как в том, что никуда не требовалось отлучаться надолго, так и в том, что враг этот, должно быть, отличался особым коварством, поскольку множество десятилетий существуя бок о бок, умудрялся скрывать свои зловердные козни и свою особую ненависть именно к представителям коренного населения. Это Церковь подчеркивала особо, и обиженное коренное население тут же хваталось за дреколье. Католики против протестантов или - наоборот; христиане против мусульманских общин или - наоборот: это не имело ровно никакого значения. Требовалось "выпустить пар" из перегретой обидами души, для чего необходимо было обозначить ВРАГА.

Чаще всего таким врагом оказывались евреи. Во-первых, средневековый христианин был твердо убежден, что именно они и распяли Христа, а, во-вторых, евреям запрещено было иметь оружие, почему бить их оказывалось очень даже приятно. Ну, поорут, погалдят, порыдают, но никто особо отбиваться не станет. Во-первых, сопротивляться воле коренного населения им тоже было запрещено, а, во-вторых, население это заранее готовилось к

погрому, отбирая мужиков здоровенных, озлобленных до свирепости и темных, как июльская безлунная ночь. И эта злая тьма, похватав дубины, с ревом мчалась крушить ближайшее еврейское гетто.

Мужчин избивали нещадно, старикам рвали бороды, женщин насиловали по очереди. Натешившись, усталые, но довольные, расходились по домам. И все замирало до следующего погрома.

Так складывались отличительные черты Средневековья: абсолютное господство Церкви, ворчливое подчинение синьорам и непереносимое наличие коварного врага. А потом Колумб открыл Новый Свет, и в Европе начало помаленьку рассветать. Понадобились корабли, способные пересечь океан, паруса, пушки, канаты, цепи, якоря. Задымили заводы и фабрики, появилась постоянная работа и заработная плата, завертелись деньги. А поскольку синьоры считали профессии капитанов, штурманов и врачей неподходящим для себя занятием, то возникла новая социальная прослойка: служилая интеллигенция. Дни безусловного господства синьоров были сочтены, и Европа начала стряхивать с себя ржавые оковы крепостного права. Насущные проблемы оказались выше традиционного долга.

По ряду причин Россия не вписалась в этот бурный процесс первой промышленной революции. Она варилась в собственном соку, отбиваясь от регулярных набегов крымских татар, пожаров казачьих волнений и мятежей собственных удельных владык. Через сто лет после Колумба Ермак присоединил Сибирское ханство, но это ничего изменить уже не могло.

Освоение Сибири не востребовало ни промышленности, ни финансового капитала, ни служилой интеллигенции. Сабли, лодки, коня да отваги вполне хватило на то, чтобы достичь как устья Амура, так и мыса Дежнева. И Россия осталась наедине с собственными мечтами.

А мечты были ослепительными, и это - тоже черта Средневековья. Русские крепостные, а по сути - полные рабы своих ханов, не золотоордынских - ночами напролет слушали рассказы захожих странничков совсем не о конце света, а о сказочной земле справедливости Беловодья. Оно было там, там, далеко, где-то на окраине самой Сибири, но - было, существовало реально и неколебимо, поскольку в него - ВЕРИЛИ.

- Верный старец мне рассказывал, бывал сам в Беловодье. Землица там два раза в год родит, а пахать надо, сколь сам пожелаешь. И господ нету, никаких нету господ, а кругом - земля. Жирная и теплая-теплая. И вода, сказывал, в некоторых речках сытная течет, местные знают. Попьешь ее - и есть не хочется. На весь день сыт!

Сияющая мечта о крае справедливости, в котором текут молочные реки с кисельными берегами была одной из основных черт языческих, по сути, верований средневекового человека, и здесь Русь, лишенная активной практической деятельности, дала Европе миллион очков вперед. Все последующие социальные теории, подбрасываемые ей, основывались на этой чудес-

ной вере. Думаете, мы в России строили Марксовский немецкий коммунизм?
Увы, мы пытались воссоздать Беловодье. Мечту предков своих.

Может быть, именно поэтому у нас ничего и не получилось...